

Харкурт Альджеранов

АННА

Павлова

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ИЗ ЖИЗНИ ЗВЕЗДЫ
РУССКОГО БАЛЕТА

Харкурт Альджеранов

**Анна Павлова. Десять лет из
жизни звезды русского балета**

«Центрполиграф»

УДК 792.8
ББК 85.335.42

Альджеранов Х.

Анна Павлова. Десять лет из жизни звезды русского балета /
Х. Альджеранов — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5215-2

Известный английский танцовщик Харкурт Альджеранов, выступавший с Анной Павловой на одной сцене, вспоминает о десяти последних годах жизни великой балерины, о шедеврах, на которые она вдохновляла композиторов и балетмейстеров, о том, какой божественная Анна была в жизни. Альджеранов рассказывает о ее труппе и совместных гастролях по странам Европы, Америки и Азии.

УДК 792.8
ББК 85.335.42

ISBN 978-5-9524-5215-2

© Альджеранов Х.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1. Начало	6
Глава 2. Я вхожу в состав труппы	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Харкерт Альджеранов Анна Павлова. Десять лет из жизни звезды русского балета

Harcourt Algeranoff
My Years with Pavlova

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2017

* * *

Давайте больше танцевать и постараемся обрести больше красоты в танце так же, как и в жизни. Истинный художник – танцует ли он или делает нечто иное – всегда стремится к красоте. Так давайте же станем миром истинных художников, как становимся миром танцовщиков, поскольку, заменяя уродство красотой как в видимых изображениях, так и в неосязаемых областях, мы понемногу приближаемся к счастью и совершенству.

Анна Павлова

Глава 1. Начало

1920-е годы, последнее десятилетие жизни Павловой и начало моей профессиональной деятельности, не кажутся очень далекими.

Тому, кто не был свидетелем павловского сезона в Лондоне, трудно себе представить, каким событием стали ее выступления.

Лето 1921 года в Лондоне было чрезвычайно жарким. Все мужчины носили соломенные шляпы, но очень немногие осмелились снять пиджаки. Казалось, это время не подходило для посещений театра, и тем не менее тогда с большим успехом проходили гастролы Русского балета Дягилева, а в «Куинз-Холл» на Верхней Риджент-стрит перед еще более восторженной и эмоциональной публикой выступала Анна Павлова со своей труппой. Столь милый сердцу постоянных посетителей концертов «Куинз-Холл», который мне хотелось бы видеть перестроенным, не очень подходил для балета, так же как ныне «Фестивал-Холл», и все же, когда Павлова решила танцевать там со своей труппой, он оказался заполненным до отказа. На сцене не было ни занавеса, ни каких-либо декораций; только сзади и по бокам платформы в конце зеленого и золотого овала зала свешивались драпировки. Предметом особой гордости патროнов галереи была чрезвычайно большая длина балкона – никогда ни до, ни после зрители не имели возможности видеть балетный спектакль столь близко от сцены; казалось, они могли протянуть руку и коснуться своих любимых артистов; особый трепет возникал, когда удавалось увидеть в противоположных кулисах актера, ожидающего своего выхода.

Я отправился на представление как опытный балетоман. Мне чрезвычайно повезло увидеть Павлову в первый раз, когда она выступала в Лондоне в театре «Палас» в 1910 году. За год до того она приезжала с особым визитом только для того, чтобы выступить перед королем Эдуардом и королевой Александрой. Я живо помню ее приезд, потому что моя мать, обожавшая балет и помнившая Петрольди и других знаменитых танцовщиц, выступавших в «Эмпайр» и «Альгамбре», сделала мне большой подарок и взяла посмотреть новую русскую танцовщицу, потому что ее премьера совпала с моим днем рождения – мне исполнилось семь лет. Я тотчас же перенес на нее свою привязанность со всех других балерин, которых видел прежде, хотя и был тогда еще слишком мал, чтобы понять истинное откровение ее искусства. Некоторое время моя мать, хотя и была увлечена этим новым и ярким выражением своего любимого театрального искусства, но тем не менее, проявляя верность традициям, столь типичную для лондонской публики, колебалась. Она не могла заставить себя полностью отказаться от привычной довольно высокопарной красоты старой школы, обладавшей совершенством стиля и очарованием, но прошло немного времени, и Павлова одержала полную победу. Мой круг общения в том возрасте был не слишком широк: дом, дневная школа и еженедельный танцевальный класс, но о Павловой говорили повсюду. Преподаватели светских танцев посылали своих помощников за границу изучать русские танцы, маленькие девочки становились на носочки, а мальчики опускались на пятки. В моду стало входить направление *a la russe*. Дягилев приехал в Лондон в 1911 году с великолепной труппой танцовщиков и революционизировал там балетный мир так же, как сделал это в Париже, но именно Павлова за год до этого стала провозвестницей новой эры. Обычно вся честь приписывается Дягилеву, и он в значительной мере заслуживает ее, но, мне кажется, пришло время отдать долг и Павловой. Она впервые потрясла нас, а Дягилев был, прежде чем мы успели оправиться от этого потрясения. К тому же в тот знаменитый вечер 19 мая 1909 года, когда русские танцовщики впервые появились в Западной Европе в театре «Шатле» в Париже, именно Павлова в «Павильоне Армиды» стала первой из блистательной когорты балерин, очаровавших французскую публику. И, как ни странно, к 1912 году Павлова

была, как мне кажется, единственной иностранкой, принимавшей участие в королевском спектакле варьете в театре «Палас», выступавшей после Уилки Бард и перед Гарри Лодером.

В 1921 году мне было почти восемнадцать, и у меня за плечами уже был опыт работы в театре, поскольку на гастролях я выступал в музыкальных комедиях в качестве первого танцовщика и исполнял роли молодых людей. Я брал уроки танца в школе хороших манер миссис Вордсворт и мнил себя в высшей степени профессионалом. «Куинз-Холл» не был приспособлен для драматических балетов, поэтому программа состояла из дивертисментов, коротких танцев для небольших групп участников и нескольких сольных танцев. Всего в тот вечер исполнялось семнадцать номеров, они производили впечатление калейдоскопа чистого танца, какого в репертуаре с тех пор больше никогда не существовало. Разнообразие программы иллюстрировало фантастический диапазон возможностей Павловой. Она могла переходить от мучительной грусти «Лебедя» к небрежной раскованности «Осенней вакханалии», от варварской роскоши «Ассирийского танца» к сдержанной элегантности «Рондино» без какого-либо видимого напряжения. Я видел, что ее удивительная разносторонность отчасти передалась труппе, исполнившей несколько характерных номеров, совершенно различных по духу и исполнению: в высшей степени элегантную мазурку на музыку Глинки, оживленную «Венгерскую рапсодию», а затем классический «Греческий танец».

Кроме Павловой были и другие танцовщики, чью работу я знал и восхищался ею. Волинин, ее красивый русский партнер, повредил колено и мог только поддерживать ее в классических *pas de deux*¹. Губерт Стовиц всегда добивался успеха своими живыми выразительными танцами, которые сам для себя создавал, особенным успехом пользовались «Индокитайский танец» и «Разбойник», так резко контрастировавшие с остальной программой.

С особым радушием публика встречала Бутсову, сильная техника которой никогда не затмевала простоты и очарования ее танца.

Галерка перешептывалась:

– Знаете, она англичанка.

– Павлова отдала ей балет «Волшебная флейта».

– Ее настоящая фамилия Бут.

– Она из Ноттингема.

– Кажется, связана с «Кэш Кэмистс».

– О да, она, по-видимому, дочь сэра Джессе Бута. – И каждый добавлял все новые факты относительно имени и места рождения. Среди поклонников труппы процветал неопишущий снобизм, каждый из них знал либо искусство, либо его творцов лучше, чем его сосед.

Что же касается завсегдагаев галерки, утверждавших, будто труппа Дягилева намного лучше, чем труппа Павловой, я мог только удивляться, зачем они приходили в «Куинз-Холл» вместо того, чтобы посещать «Альгамбру».

Представление продолжалось, и я все больше и больше осознавал, что мои честолюбивые планы влекут меня в эту труппу. «Не смейся людей! – вступала в спор вторая половина моего сознания. – То, что ты с трех лет занимаешься у миссис Вордсворт, имеешь ангажемент и исполняешь роль, созданную Фредом Фарреном в музыкальной комедии, не дает тебе права танцевать в труппе Павловой!» Но я не стал прислушиваться к этому голосу. По дороге домой я остановился под газовым фонарем и вытащил из кармана смятую программку. Там было помещено сообщение о том, что всю корреспонденцию на имя Павловой следует адресовать ее импресарию. Мне казалось, будто это сообщение не имеет ко мне никакого отношения. Приехав домой около полуночи, я почувствовал, что так устал от испытанного волнения, словно

¹ Па-де-де – одна из основных музыкально-танцевальных форм в балете. Состоит из выхода двух танцовщиков, адажио, вариаций мужского и женского танца и совместной коды.

протанцевал два часа без перерыва. Пожелав спокойной ночи матери, я отправился в свою комнату и написал Павловой письмо с просьбой принять меня для просмотра.

Наверное, я ожидал получить ответ по почте. Когда по истечении нескольких дней он не пришел, я почувствовал, как меня охватило какое-то странное оцепенение. У меня больше не было никаких честолюбивых стремлений в мире – только снова видеть танец Павловой. Несколько раз приходил я в театр, даже немного попоколичивался у входа на сцену, но ничего не происходило. Я решил поехать в Северный Лондон и пожить у своего кузена, где, по крайней мере, будет попроще и где я буду находиться в пределах досягаемости, на случай если что-либо все-таки произойдет, ибо я не терял надежду.

Балетный сезон близился к завершению, и я помню, как медленно тянулась пятница последней недели, а я сидел на лужайке на солнце.

На следующее утро без пятнадцати девять раздался стук в дверь моей спальни. Кузен сказал, что пришла горничная из соседнего дома и сказала, что меня приглашают к телефону. Я накинул поверх пижамы халат и выбежал через заднюю дверь. Звонила мать. Она казалась очень взволнованной.

– Только что на твое имя пришла телеграмма, ты должен взять с собой костюм для танцев и приехать к десяти часам в Айви-Хаус на просмотр к мадам Павловой.

Как мне добраться туда вовремя? Голдерс-Грин находился на расстоянии нескольких миль, а я еще не был даже одет и не имел ни малейшего представления, как туда доехать. Все принялись давать мне советы:

- Тебе следует сначала позавтракать.
- Садись на автобус, идущий в Камден-Таун, а оттуда возьми такси.
- Ты успеешь как раз вовремя.
- Не беспокойся.

Я кое-как оделся, нашел трико и туфли и, выбежав из дому, добрался до ближайшей остановки автобуса за пять минут вместо обычной четверти часа. Мы проехали Палмерс-Грин, Вуд-Грин, продвигаясь невыносимо медленно, пока, наконец, не добрались до Камден-Тауна. «Возьми такси», – посоветовали мне, но их не было. Нигде не было видно ни одного такси – автобусы, трамваи, грузовики, тачки, телеги, только не такси. Я спросил водителя трамвая, как мне добраться до Норт-Энд-роуд.

– Ближайшее место, до которого мы доедем, – это другая сторона Хит, – ответил он. – Но это ближайшее место, до которого вы сможете добраться отсюда.

Так что я сел в трамвай, а от конечной станции побежал – мимо «Джек Строз Касл»², все дальше и дальше, мимо «Олд Булл» и «Буш» и, наконец, очутился у ворот Айви-Хаус. Я миновал подъездную аллею, позвонил в колокольчик и стал ждать, стараясь отдышаться и ощущая холодную нервную дрожь, хотя сильно вспотел на палящем солнце. Темная дубовая дверь медленно отворилась, в затемненном холле стоял светловолосый мужчина в рубашке с короткими рукавами и с любопытством смотрел на меня, помаргивая светло-голубыми глазами. Он любезно предложил мне пойти переодеться и спросил, не хочу ли я размяться в ожидании, когда мадам будет готова меня принять.

Меня провели через холл, заполненный чемоданами, упакованными к гастрольной поездке. Я переоделся в небольшой спальне и прошел в студию. Эта студия прежде была балетным залом, и широкая лестница, которая вела из зала, поднималась на галерею, проходившую поверху. Там были две стеклянные двери, одна из них вела в холл, а другая – в гостиную; сквозь дальнее окно мне был виден сад. Вдоль левой стены стоял станок, напротив – огромное зеркало, которое, казалось, занимало все пространство стены.

² «Замок Джека Соломинки» – известный лондонский паб в лесопарке Хампстед-Хит.

Единственную мебель составляли рояль и несколько стульев. В студии был еще один танцовщик, также ожидавший просмотра, молодой австралиец, присланный Чекетти. Делая упражнения у окрашенного в кремовый цвет станка, я обратил внимание на хрупкую фигурку в нефритово-зеленой шали, проскользнувшую по галерее наверху, – я старался усерднее обычного делать упражнения на случай, если Павлова видит меня. Несколько минут спустя нам сказали, что мадам уже идет и что она сначала посмотрит мальчика от Чекетти. Я ждал снаружи, когда закончится просмотр, затем наступила моя очередь. Я снова вошел в студию, там была сама Павлова, облаченная в бледно-розовый хитон, трико и балетные туфли, на ее обнаженные плечи была накинута легкая шаль. Она была готова приступить к работе, как только закончится просмотр. Несмотря на всю свою простоту, она казалась созданием, принадлежащим иному миру. Ее черные волосы, разделенные на пробор посередине, сильно приглаженные и забранные в узел на затылке, ее большие темно-карие блестящие глаза, рот, уголки которого чуть приподнимались, когда она улыбалась в знак приветствия, в сочетании с прекрасными пропорциями ее стройного тела, казалось, придавали ей вид эльфа. Ее царственная осанка невольно наводила на мысль, что ты находишься в присутствии великой личности.

Справа от нее сидел светловолосый человек, Виктор Дандре, ее муж, а слева – Пиановский, ее балетмейстер. Я прихватил с собой кое-какие ноты, но некому было играть, и мне пришлось танцевать без аккомпанемента. Я все время ощущал на себе внимательный взгляд темно-карих глаз Павловой, пока исполнял русский танец, и мне удалось довести его до конца не упав. Затем она спросила:

– Знаете ли вы чардаш?

– Немного, мадам, – ответил я и исполнил несколько па венгерского танца.

Затем Павлова попросила меня сделать еще какие-то па. Я не совсем ее понял, так что она объяснила мне с помощью рук, передвигая их с быстротой молнии, и я чуть не прирос к земле, охваченный благоговением. Я предпочел бы наблюдать за ней, а не танцевать для нее, но постарался следовать ее инструкциям. Затем мне сказали, что все закончено и я должен подойти к месье Дандре, когда переоденусь в уличную одежду. Я сказал «до свидания» и «спасибо» мадам и, как только переоделся, отправился в контору месье Дандре.

– Вы принадлежите к другой школе, чем наша, – заявил Дандре. (Я ожидал, что он продолжит: «Вам следует поучиться у...» Но нет! Все было не так.) – Тем не менее мадам Павлова может предложить вам контракт в качестве характерного танцовщика на время английского турне, чтобы посмотреть, как вы вольетесь в труппу. Мы не можем предложить вам большую сумму: десять фунтов в неделю в Англии и пятьдесят долларов в неделю, если вы поедете в Америку. Вам конечно же придется изменить имя. Вы готовы сделать это?

Я был готов поменять цвет глаз, лишь бы подписать контракт, но, вспомнив, что еще несовершеннолетний, вынужден был ответить:

– Я должен сперва спросить у родителей.

И, не осознавая в полной мере, во сне я или наяву, попрощался с месье Дандре и поспешил домой. Я был слишком взволнован, чтобы по пути остановиться позвонить матери и поделиться с ней поразительной новостью.

Как прошел остаток дня – не имею ни малейшего представления. Единственное, что помню, как я поспешил вечером в «Куинз-Холл» посмотреть последнее выступление Павловой. Я занял денег у матери, чтобы непременно обеспечить себе место, поскольку зал был переполнен. Я ждал приезда Павловой у служебного входа и на этот раз храбро приподнял шляпу и сказал: «Добрый вечер, мадам», хотя, уверен, Павлова не обратила на меня внимания. Представление показалось мне просто ослепительным своим совершенством. Когда оно закончилось, публика продолжала аплодировать. После бесчисленного количества вызовов свет начал гаснуть. Толпа поредела, но упорные аплодисменты продолжались до тех пор, пока минут два-

дцать спустя закутанная в белую накидку Павлова не появилась снова и не раскланялась еще раз с преданными зрителями.

Я едва мог поверить, что в последний раз смотрю на нее из публики и скоро мне предстоит выступать на одной сцене с самой Анной Павловой.

Глава 2. Я вхожу в состав труппы

Прошло несколько дней, я с нетерпением ожидал прибытия каждой почты в надежде, что вот-вот пришлют мой контракт, но с таким волнением ожидаемый длинный конверт не приходил. Я решил: единственное, что мне остается, – снова отправиться в Айви-Хаус.

На этот раз дверь открыла коренастая женщина в длинных темных одеждах, с шарфом, повязанным вокруг головы, и в ковровых комнатных туфлях. Я попросил позвать мистера Дандре.

– Не говорить по-английски, – ответил «шарф».

Я не знал, как выйти из положения, и просто продолжал стоять.

– Минут.

«Шарф» сделал мне знак подождать и, по-видимому по-русски, позвал кого-то еще.

Появилась еще одна женщина в шарфе и комнатных туфлях и принялась мне что-то говорить на языке, отдаленно напоминающем английский. Слова лились у нее потоком, и разобрать их было невозможно, она ни разу не остановилась, чтобы перевести дыхание. В результате я по-прежнему ничего не понял.

– Я хотел бы повидать мистера Дандре, – повторил я снова очень медленно.

Тогда первый «шарф» понял и, подняв руки, махнул одной из них в сторону со словами: «Месье Дандре уехал Париж».

Похоже, не оставалось ничего иного, как вернуться домой, написать месье Дандре и спросить, действительно ли он нуждается в моих услугах. Прежде чем опустить письмо, я показал его своему кузену, который благоразумно посоветовал: «Не пиши «нуждаетесь ли», напиши «когда». Несколько дней спустя пришла телеграмма с приглашением снова прийти в Айви-Хаус.

– Мы ждали от вас ответа, согласны ли ваши родители позволить вам изменить имя, – сказал Дандре с блеском в голубых глазах.

Если бы дело было только в этом!

Поскольку я был несовершеннолетним, моя мать должна была прийти к Дандре и подписать за меня контракт. Она очень волновалась, когда я привел ее в Айви-Хаус, хотя и понимала, что у нее почти нет шансов увидеть саму Павлову.

Когда нас пригласили, месье Дандре поднялся, словно тюлень, из моря бумаг. Беседа продолжалась недолго: мое жалованье оказалось даже несколько выше, чем мы ожидали, я приобрел фамилию Альджеранов и стал членом труппы Павловой.

Мне велели к концу августа присоединиться к труппе в Шеффилде и дали адреса некоторых театральных квартир, и я тотчас же туда телеграфировал. Охваченный водоворотом волнения, я покинул Кинг-Кросс, запаковав все свои трико и балетные туфли, какие только смог отыскать, в корзину, объехавшую со мной Англию во время прежних гастролей. По приезде я обнаружил, что труппа еще не приехала в Шеффилд, но когда сообщил о своем приезде балетмейстеру Пиановскому, узнал от него о «летучих» утренниках. Труппа должна была выехать тотчас же после дневного выступления и «лететь» (поездом) в Ньюкасл-апон-Тайн, чтобы дать там еще один утренник, а затем «лететь» назад в Харрогит. В первый день я успел только понаблюдать за Бутсовой, репетировавшей «Волшебную флейту», которую я никогда прежде не видел, и принять участие в репетиции этого же балета.

Молли Лейк, которую я знал по школе хороших манер миссис Вордсворт, оказалась единственным знакомым мне человеком, и я был рад встрече с ней. В труппе было несколько молодых англичанок, в том числе Мюриель Стюарт, любимая ученица Павловой, они все заботились обо мне. Я делил артистическую уборную с австралийским юношей, проходившим просмотр

вместе со мной, теперь он преобразился в Артурова. Его фамилию, так же как и мою, сделали из имени.

Мы оказались единственными британцами среди мужчин-танцовщиков, все остальные, за исключением Волинина и американца Аллена, были поляками, так как все лучшие танцовщики из театра «Вельки» в Варшаве присоединились к Павловой. Сначала я не мог ни с кем разговаривать. Когда мы выехали из Шеффилда, я оказался в одном вагоне с Новицким и его женой, Домиславским и Кузьмой, костюмером, приехавшим с Павловой из России и с тех пор не покидавшим ее. Я сидел в своем уголке и внимательно вслушивался в нескончаемый поток речи, пытаясь приучить свое ухо в надежде разобрать хоть несколько слов по-русски, не ведая о том, что все говорили по-польски.

В ту ночь мы прибыли в Ньюкасл незадолго до полуночи и несколько минут спустя уже звонили в звонок ночного портье окружного отеля, находившегося неподалеку от станции. Естественно, сердечного приема нам не оказали, поскольку приехали мы слишком поздно, к тому же были иностранцами, и это оказалось слишком. Попытка поместить нас всех в двухместные номера была пресечена американцем Алленом, принимавшим участие в английских гастролях труппы; он заявил, что не привык жить в комнате с незнакомыми людьми. И нам сразу же дали одноместные номера.

На следующее утро у меня состоялась специальная репетиция и урок с Пиановским, на котором меня обучали танцевать мазурку, а на следующее утро мы вернулись в Йоркшир. Я с волнением принял участие в первой репетиции труппы – работали над «Снежинками». Кто-то оставил открытой дверь склада декораций, и, хотя было еще лето, возник сильный сквозняк, весьма «уместный» для балета. Партнер Павловой в классическом репертуаре Александр Волинин сначала пытался репетировать, но так рассердился на все происходящее, что ушел, и мы его не видели до спектакля, состоявшегося в следующий понедельник в Блэкпуле. Как и большинство танцовщиков, он считал опасным танцевать при сквозняке.

К этому времени я уже почти разучил две свои скромные партии – крестьянина в «Волшебной флейте» и снежинки в «Снежинках». Я предпочитал первую, хотя мой костюм ужасно пропах пылью. Ходили слухи, будто все костюмы для этого балета только что доставили в Англию из Германии, где они хранились на складе с начала войны 1914 года. Сначала мне было непросто учить свои па, поскольку Аллен, от которого я надеялся получить кое-какие объяснения, оказался слишком ленивым и просто проделывал свои па, не утруждая себя какими-либо объяснениями. К моему ужасу, репетиции проводились почти полностью на польском языке, и не было времени перевести эти указания, даже если бы кто-то оказался на это способным. К счастью, кое-кто из девушек помогал мне, оставаясь после репетиций. Танцуя вместе, мне удалось разучить коду «Снежинок» и мазурку из «Волшебной флейты».

В Блэкпуле состоялся мой скромный дебют. У меня были вполне подходящие крестьянские башмаки, но не хватало подвязок для чулок, так что приходилось использовать ужасно неудобные подтяжки для носков. Зазвучали звуки увертюры, и я поспешил к сцене. В английских театрах, как правило, не было мальчиков, приглашающих актеров на сцену.

Обычно Пиановский созывал нас к началу, а если кто-то опаздывал, один из членов труппы торопил его. Когда увертюра закончилась, вышла Бутсова, всегда открывавшая балет, и я осмелился пожелать ей удачи. «Волшебная флейта», между прочим, не имела никакого отношения к Моцарту. Это прелестный балет, действие которого происходит во Франции XVIII века, поставленный Ивановым на очаровательную музыку Риккардо Дриго, итальянского композитора, который провел большую часть жизни в Санкт-Петербурге и умер там в 1930 году в возрасте 86 лет.

Увертюра закончилась, поднялся занавес, и Уиттич, исполнявшая мимическую роль матери Лизы, вышла на сцену с условными жестами, означавшими: «О, какое прекрасное утро! О, какой прекрасный денек!» Появилась группа крестьянских девушек, они попросили мать

что-нибудь попить. Затем вышла Бутсова в роли Лизы с кувшином и чашами, которые выхватили у нее девушки, пока она с ними здоровалась. Вошли крестьянские юноши, и Волинин в роли Люка преследовал Лизу до тех пор, пока мать не прогнала его. Девушки попросили Лизу, чтобы мать позволила им потанцевать. Она соглашается, и тотчас же каждый молодой человек подхватывает двух партнерш и начинается мазурка. Я был одним из юношей и танцевал в труппе Павловой! Неужели такое возможно? Да, вот Волинин и Бутсова танцуют в центре... затем моя партнерша приземлилась мне на носок. Да, все это было правдой!

Я был слишком возбужден, чтобы долго нервничать. Старшие члены труппы с готовностью предупреждали новичков о предстоящих репликах. Новичкий вышел в роли лакея, затем появился Залевский в роли маркиза. Каким великолепным мимом он был! Я ощущал себя в равной мере как зрителем, так и исполнителем, наблюдая за своими коллегами из своего уголка сцены. Никогда прежде не видел я Домиславского в гриме судьи, его вполне можно назвать шедевром. Мне потребовалось сделать над собой усилие, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица, как положено во время «судебного разбирательства», когда в дверном проеме появился этот высокий мужчина нормального сложения, внезапно ставший кривоногим и толстым, словно сельский хлеб, с жирными щеками, курносый носом и маленькими пороссячьими глазками, облаченный в алонжевый парик и алые одежды судьи. Какое облегчение я испытал, когда зазвучала волшебная мелодия флейты и я смог радостно танцевать по сцене, сияя искренней улыбкой, обращенной к партнерше и публике. Затем пришло время *grand adage* для Бутсовой и Волинина, а для нас – время снопов пшеницы, которые мы держали по одному в руке. Они становились с каждой секундой все тяжелее и через несколько минут стали напоминать железные прутья. Последовал *pas de quatre*³, потом блистательная вариация Бутсовой, затем *valse finale*⁴. Занавес опустился. Я пережил первые пятьдесят минут, и никакой страшной катастрофы не последовало.

Я побежал наверх в артистическую уборную переодеться к «Снежинкам», которые уже несколько раз видел в Лондоне и, как мне казалось, знал.

– Сотри румяна, – предупредили меня. – Там будет голубой свет.

Я старался натянуть хлопчатобумажные трико получше, чтобы не было ни морщинки, и так старательно тянул их, что руки чуть не покрылись волдырями. Когда я облачился в белую бархатную тунику с зубчатыми рукавами, отороченную серебряными сосульками и снегом из лебяжьего пуха, у меня в памяти возникло воспоминание о тех днях, когда мне было восемь лет, Павлова тогда впервые исполнила его в Лондоне, и мне показалось, что «Снежинки» – это «сентиментальщина». Но когда вернулся на сцену и увидел всю картину в целом, я понял свою ошибку. Окруженные тяжелыми соснами, покрытыми снегом, стояли девушки в сверкающих белых балетных юбочках, в украшенных серебром и лебяжьим пухом кокошниках (я гордился тем, что знал это слово) на головах – теперь меня больше не надо было убеждать в том, что мужские костюмы выглядели бы смешно, будь они какими-то иными. Хрупкое стакато увертюры к «Щелкунчику» просачивалось сквозь занавес. По мере того как звуки усиливались и начинался танец, я ощущал, что никогда не забуду это мгновение. Сколько сотен раз с тех пор я стоял в своем белом костюме и принимал участие в этой сцене. Но каждый раз я испытывал радость, и до сих пор помню каждое мгновение... Серией *deboules*⁵ вышла Гриффитс, к ней присоединились Варзинский и Залевский, затем вышли танцовщики кордебалета, формируя круг, уменьшавшийся по мере вращения, и продолжали танцевать, делая *cabrioles*⁶, *faillies*⁷, *pas de bourree*⁸, в то время как девушки, формируя наружный круг, испол-

³ Па-де-катр – танец четырех исполнителей.

⁴ Заключительный вальс (*фр.*).

⁵ Серия поворотов на полтура по очереди на каждой ноге в одном направлении, очень быстрых и компактных.

⁶ Кабриоль – один из сложных прыжков в классическом танце, когда одна нога ударяется о другую снизу вверх.

няли *coupes ballonnes en tournant*⁹, продвигаясь вперед с *petits jets*¹⁰, затем расходясь из круга в две колонны и снова сходясь в круги, двигавшиеся в противоположных направлениях до тех пор, пока танец не закончился двумя диагоналями групп. Первый вальс окончился, и на секунду воцарилась тишина, как бывает в канун Рождества, когда земля укутана заглушающим все звуки снегом и светит полная луна. Зазвучало арпеджио, и Павлова с Волининым, казалось, мерцая, скользнули в бытие, осуществляя свой первый выход в этом балете. Какая красота линий, поз и равновесия, какое благородство! Я осознал значение термина «императорский артист». Когда видишь все это из зала, просто дух захватывает, но воспоминание о том, как я впервые встретился с этим на сцене, всегда будет для меня волшебным сном. Пришло время вариации Волинина, полной изумительных *batterie*¹¹ и *pirouettes*¹². Последовала вариация Павловой – обладали ли когда-либо прежде столь изящные ноги и лодыжки такой силой? Она танцевала каждой частицей своего существа и, казалось, извлекала особое наслаждение из подчеркнутого ритма этой вариации, которая требовала и, безусловно, получила большую точность интерпретации. И наконец кода с Павловой и Волининым. Вся труппа танцевала как бы охваченная снежной бурей, приводя балет к триумфальному финалу.

Возможно, это эгоизм и явная *deformation professionnelle*¹³ заставляют меня записывать эти технические детали. Но для меня вспоминать эти па, которые я не исполнял уже двадцать пять лет, все равно что переворачивать страницы старого альбома с фотографиями, – мне лично это доставляет большое удовольствие. Первые дни совместных выступлений с Павловой оставили во мне ярчайшие впечатления, и ничто не могло заставить их потускнеть.

Но спектакли отнимали у нас не так уж много времени, даже если все остальное было менее важным. В те дни сообщения о репетициях редко появлялись на доске объявлений: «10 часов – классы, 11 часов – репетиция» – вот все, что мы обычно там видели записанным голубыми чернилами на розовом листе. Но эти лаконичные слова в сочетании с устными инструкциями обычно оказывались более эффективными, чем детальное расписание и помпезные разглагольствования, которые предпочитают некоторые наши современные труппы. Никогда не будет возможно управлять балетной труппой как департаментом гражданской службы. В 1921 году в труппе Павловой планировалось приступить к работе в 10 часов (как я вскоре узнал, это было приблизительное время) и работать до тех пор, пока все не будет сделано, затем возвращаться домой и отдыхать до начала представления. В те дни, когда шло два представления, не было ни классов, ни репетиций. Такое расписание больше устраивало артистов, чем более распостраненное – с перерывом на ленч и возвращением назад днем, но, как я вскоре узнал, оно больше подходило для континента и Америки, где человек может перекусить в любое время, чем для Англии и некоторых других стран (если таковые существуют), где еду подают только в определенное время и не слишком считаются с клиентом.

Репетиции проходили конечно же почти каждый день. Я очень гордился собой, так как мог делать те характерные па, известные англичанам как «рысь сапожника», – во всяком случае, мне казалось, будто я знал, как это делается, потому что эти па могли делать новые польские танцовщики труппы. Новицкий и другие танцовщики, недавно приехавшие из Варшавы,

⁷ Файи – прыжок с двух ног на одну, в котором сразу после приземления свободная нога плавно переводится через 1-ю и 4-ю позиции и на нее переносится центр тяжести.

⁸ Па-де-бурре – мелкие танцевальные шаги, чеканные или слитные, исполняются с переменной или без перемены ног, во всех направлениях и с поворотом.

⁹ Купе баллонне ан турнан – прыжок на одной ноге или вскок на пальцы с продвижением за работающей ногой; термин «ан турнан» указывает на то, что движение должно быть исполнено одновременно с поворотом всего тела.

¹⁰ Птижете – небольшие прыжки с броском ноги либо в сторону, либо вперед.

¹¹ Батри – прыжковые движения, орнаментированные заносками, то есть ударами одной ноги о другую в воздухе.

¹² Пируэты – многочисленные повороты на одной ноге без перемены места.

¹³ Профессиональная деформация (*фр.*).

никогда не исполняли во время репетиций иных па, кроме пируэтов. Нам с Артуровым казалось, что мы можем сохранять свои позиции рядом с поляками, хотя мы и новички в труппе. Эти ура-патриотические настроения кажутся теперь нелепыми – но сколько британских танцовщиков-мужчин существовало в 1921 году? Они были настолько редки, что, можно сказать, их просто не существовало, да и я все время ощущал, что не стал бы членом труппы, если бы моя мать не позволила мне изменить имя. Я усердно трудился, работая над другими балетами, где в программу было добавлено имя Альджеранов. Сначала у меня вызывал большие затруднения «Богемский танец», взятый из второго акта балета «Тщетная предосторожность», одного из старейших балетов, все еще не сходивших из репертуара; в нем Павлова с таким успехом впервые танцевала в Нью-Йорке в 1910 году. Третья часть каждой программы обычно состояла из серии дивертисментов, и этот танец, который я считал тогда чертовски трудным, должны были добавить в репертуар для Ливерпуля. Я пытался разучить его, наблюдая со стороны во время репетиций, поскольку мадам настаивала, чтобы несколько дополнительных танцовщиков знали партию, на случай если кто-нибудь выйдет из строя. Варзинский, первый характерный танцовщик, помог мне с па. Я пытался исполнить их в первый раз, когда вдруг увидел, что сама мадам, проходя по сцене, наблюдает за мной.

– Усердно работаешь? – поинтересовалась она.

Я почувствовал, что язык начинает заплетаться, так же как и ноги.

– Пытаюсь, мадам, – выдавил я из себя.

– Ты разучиваешь цыганский? – спросила она.

– Пытаюсь, мадам. – Я не мог найти других слов.

– Хорошо.

Она велела мне продолжать разучивать, а на следующий день, прежде чем у меня появилось время попрактиковаться, пришла на репетицию, когда мы все уже отработали полтора часа и ужасно устали. Мадам сама помогла нам с па, и меня буквально чуть не парализовало от ужаса, когда она попросила меня исполнить танец.

– Хорошо, – бросила она, когда я закончил то, что показалось мне самой неумелой серией шагов и поз.

Мне вскоре предстояло узнать, что этот уклончивый комментарий «хорошо» в устах Павловой, Пиановского и всех прочих звучал как вполне удовлетворительное заключение. Мадам заметила, что некоторые па неверны и что мне следует разучить правильный их порядок. Я был изнурен, немного сконфужен, но благодарен за то, что меня заметили.

Изучая новые па и новые танцы, я одновременно усваивал и новые слова на разных языках. В труппе были две француженки, и я, по крайней мере, мог понять, о чем они говорили, хотя был не в состоянии найти слов, чтобы ответить. Тогда я не предполагал, что однажды женюсь на француженке и буду общаться на вполне сносном французском с родственниками жены. Новички были известны англичанам как мистер и миссис Добрже. Похоже, это единственное слово, которое мы когда-либо слышали от них. Поскольку они не знали ни слова по-английски, большинство их разговоров сводилось к тому, что они показывали на что-то, например на еду, костюм или грим, и громко говорили «Dobrze» («Хорошо»), если им это нравилось, или «Nie dobrze», если им это не нравилось. Я решил, что стану изучать польский язык, когда понял, что к моему скромному репертуару должны добавиться «Богемский танец» и «Обертас». К тому времени, как я счел, что вполне овладел финалом «Богемского танца», хореография полностью изменилась, но меня это не огорчило, поскольку дало мне возможность разучить его еще раз со всеми остальными.

Время от времени среди напряженной работы наступал изумительный момент расслабления, особенно приятно было, если он возникал неожиданно. Однажды вечером в Ливерпуле, перед самым поднятием занавеса в «Снежинках», мадам продемонстрировала нам поразительную имитацию Чарли Чаплина. В своем прелестном белом тюнике она быстро прошла туда

и обратно, помахивая воображаемой тросточкой и приподнимая воображаемый котелок. В тот вечер занавес поднялся, явив публике не в меру развеселившийся кордебалет, в то время как сама мадам, стоя в кулисах, весело подсмеивалась над затруднительным положением, в которое мы попали, ибо ничто не вызывает столь сильной боли в животе, как попытка танцевать, когда тебе хочется смеяться.

Я убедился, что рассказы о доброте Павловой по отношению к своим танцовщикам – истинная правда. Не было ни одного мелкого несчастного случая, который ускользнул бы от ее внимания, – она сама чертила сетку из йода на лодыжке какой-либо из танцовщиц, а затем посылала ее на специальный массаж, давала бутылочку ароматической жидкости тому, у кого болела голова, – она по-матерински заботилась об этих девушках.

У танцовщиков всегда было мало времени на какие-либо иные занятия, кроме танца, но прошло не более трех дней, и я оказался глубоко погружен в денежные проблемы. Нам платили самым неудобным образом: каждые две недели или, точнее, дважды в месяц, первого и пятнадцатого. Разобравшись в этой системе, я понял, почему все упоминали февраль как свой любимый месяц. Первый день оплаты наступил после того, как я проработал всего лишь неделю или что-то около того, но девушки-англичанки убедили меня присоединиться к очереди, выстроившейся у конторы мистера Дандре.

– А вы что здесь делаете? – спросил он, изо всех сил стараясь выглядеть серьезным, хотя ему не удалось полностью скрыть веселые искорки в глазах. – Вы еще ничего не заработали!

Большую часть времени мы жили за счет небольших ссуд и чеков на маленькие суммы, присылаемые нашими семьями. Время, которое мы проводили, тратя наши ничтожные средства, примерно равнялось тому времени, которое уходило на репетиции. Однако теперь, когда я смотрю на некоторые из расходов, которые в свое время аккуратно записывал, становится очевидным, что жизнь была явно дешевле:

Ленч в поезде	4/6
Проживание в Шеффилде	5/6
Ужин	2 ¹ / ₂
Ленч	2/9
Чай и ужин	3/-
Отель и завтрак	11/6
Ленч	2/9
Чаевые и хранение багажа	2/-
	<hr/>
	1/14/1 ¹ / ₂ фунтов

Помню, как в Харрогите моя хозяйка запросила фунт за три ночи, и хотя я всегда с благодарным восторгом относился к театральным квартирным хозяйкам, но все же вынужден был торговаться и сбить цену до шести шиллингов за ночь. Самым многообещающим в предстоящих гастролях по Америке было то, что каждый, кто побывал там прежде, рассказывал мне волнующие истории о том, какие там удобные поезда и отели и насколько все дешевле, чем в Англии. Все это очень успокаивало такого человека, как я, способного впасть в раздражение, обнаружив, что в Блэкпуле яблоки стоят на три пенса за фунт дороже, чем в Харрогите.

Хотя афиши, извещавшие о гастролях труппы, объявляли наше посещение каждого города «первым в мировом турне», никто из нас не имел ни малейшего представления о том, что это означает. Мы знали только, что собираемся в Америку, и прошло несколько ужасных дней в ожидании, когда решалось, кто именно поедет. Я был чрезвычайно взволнован, узнав, что еду. Беднягу Артурова не взяли, потому что он не был характерным танцовщиком. Девушки-англичанки расстроили меня, притворившись, будто они не поедут и в труппу не войдет ни один англичанин, так что мне будет не с кем словом перемолвиться в течение нескольких месяцев до конца поездки. Я поверил им и стал всерьез подумывать о том, чтобы уйти, но, наконец, они признались, что это шутка.

Помню, что мы выехали из Блэкпула в Ливерпуль в воскресенье. На Волине была клетчатая рубашка невероятно яркой расцветки, и дирижер Теодор Штайер, обладавший ультраконсервативным вкусом, всю дорогу поддразнивал его, утверждая, будто даже лошади на полях шарахались, завидев наш поезд.

Я пока еще не понимал ни русского, ни польского, но теперь, по крайней мере, различал, на каком языке говорят, и, уверен, что узнал больше о характерном танце, наблюдая за людьми разных национальностей из бесед их рук и мимики, чем почерпнул из занятий в классе. А в итоге так сложилось, что классов не было. В Ливерпуле на огромной сцене «Олимпии» Пиановский провел единственный класс характерного танца за все то время, что я провел в труппе. Он состоял главным образом из па для переработанной Зайлихом Венгерской рапсодии № 2 Листа. Пиановский был довольно хорошим танцовщиком и обладал удивительной памятью, но его нельзя было назвать терпеливым *maitre de ballet*¹⁴. По крайней мере, некоторое время он проявлял достаточно терпения со мной как с новичком, даже невзирая на то, что ему явно досаждало присутствие английского танцовщика. Он придерживался мнения, будто поляки – прирожденные танцовщики, а англичане могут с трудом научиться танцевать, но не более. Однако он повел себя в соответствии с традициями труппы, когда я танцевал одну из четырех мужских партий в «Богемском танце».

– Хорошо, – сказал он, когда я вышел со сцены.

Некоторые поляки с восторгом встречали каждое па другого исполнителя, а британцы обычно проявляли равнодушие. Но это не важно, люди, мнение которых имело значение, говорили: «Хорошо».

Все это входило в привычку. Ночь по дороге в Глазго – скорчившись в уголках, укрывшись пальто. По какой-то причине Британия была единственной страной, где труппа не обеспечивалась спальными вагонами, и я вынужден был подставить холодную серую щеку своим шотландским кузенам, встретившим меня на станции. Трудно себе представить более далекую от театра семью, но никогда не забуду их понимания потребностей артиста. Когда я сообщил им, что меня теперь называют Альджеранов, их добрые шотландские лица сохранили совершенно серьезное выражение, и они стали тренироваться произносить это имя. В Лондоне обычной реакцией был громкий хохот, а в 17 лет я, по-видимому, был все еще чувствителен к насмешкам.

В понедельник, конечно, снова начались классы и репетиции.

– Где Марджери? – спросил Пиановский, оглядывая сцену.

Марджери отсутствовала полдня и явилась, сонно протирая глаза. Она явно легла в постель в восемь утра в воскресенье и проспала двадцать четыре часа, время от времени пробуждаясь, чтобы поесть то, что приносила ей сердобольная квартирная хозяйка. Таково было истощение от трехнедельного турне с остановками на одну ночь.

Оставалось всего лишь три недели до нашей поездки в Штаты. Еще две девушки были наняты в труппу: англичанка Джоун Уорд и Тирза Роджерз, танцовщица из далекой Новой

¹⁴ Балетмейстер (*фр.*).

Зеландии, только что завершившая ангажемент у Карсавиной в Лондоне. Как только мы приехали в Эдинбург, к нам снова присоединился старший балетмейстер Павловой Иван Хлюстин. Это был серьезный низенький полный человечек с бородкой. Пиановский выстроил всех новых танцовщиков вперед в линию для первого занятия, которое проводил Хлюстин, и был настолько предупредителен, что не стал давать нам обычных упражнений, которые я до сих пор считаю очень трудными. Реакция Хлюстина на мой танец несколько отличалась от привычного слова «хорошо» – он просто принялся смеяться. Чем выше становились мои прыжки и чем более героический характер приобретали жесты, тем громче он хохотал. Сперва я был немного смущен, но вскоре понял, что он смеется от удивления. У меня не было общего представления о балетах, которые мы разучивали, так что мой танец часто выпадал из контекста. Вскоре я понял, что мне повезло, – если бы Хлюстин не развеселился, он мог рассердиться, и мне пришлось бы трудно. Я усердно работал над «Шутами», такое название мы дали трепаку в «Сказках» (последний акт «Спящей красавицы»), хотя музыка причиняла мне большую сердечную боль, поскольку мой брат Рей, погибший во время войны, обычно упражнялся под нее в своей танцевальной школе. Недавно присоединившийся к труппе Караваяев помог мне разучить присядку и другие па. Я испытывал огромное волнение, принимая участие в русском танце вместе с русскими и поляками, и изо всех сил старался, чтобы мои прыжки соответствовали моему энтузиазму. Линда, всегда готовая дать полезный совет, помогала мне как могла.

– Вытяни руки! Я вытягивал.

– Выше.

– Выше.

Я терялся в лабиринте повелительных голосов.

– Ноги!

– Пятки!

– Колени!

– Голову!

Прошло немало лет с тех пор, как я разучил этот танец, но и теперь я не могу слышать мелодию трепака без того, чтобы мысленно не протанцевать его от начала до конца. Я все еще живо помню эти наполненные напряженным трудом дни в Эдинбурге. Я обычно покидал свои комнаты в девять утра, кипя энергией, и возвращался в одиннадцать вечера, ощущая себя проколотой шиной. На мою шотландскую квартирную хозяйку это производило большое впечатление. Она представить не могла, что простой лондонец способен так трудиться.

– Откуда бы вы ни приехали, то, как вы работаете, делает вам честь, – мурлыкала она, обращаясь ко мне. Она сама не понимала, как сильно испытывала мое терпение, когда настойчиво пыталась знакомить меня со своими соседями, и рассказывала всем, что она гордится мной и моя матушка должна мной гордиться и т. д. и т. д., а в то время мне хотелось только одного – спокойно что-нибудь поесть и лечь спать. На следующий день после моей первой исполненной чрезмерного энтузиазма попытки станцевать «Шутов» я больше не испытывал веры ни в себя, ни в других. Я сполз вниз по лестнице, цепляясь за железные перила, и с трудом преодолел четыре марша лестницы. Каждый шаг причинял мучительную боль. Кое-как притащился в театр. Все смеялись надо мной, но их смех не был лишен сочувствия, ибо каждый имел подобный опыт. Не знаю, как я смог танцевать в тот вечер, но конечно же я танцевал. Сама мадам, слава богу, не видела, как я репетировал, но, хотя я, вероятно, и не осознавал это в полной мере, подлинная причина, заставившая меня работать с упорством маньяка, заключалась в непреодолимой надежде услышать, как мадам скажет «хорошо» или, возможно, когда-нибудь добавит нечто большее.

Продолжали прибывать новые танцовщики, в том числе и Новак. Я видел, как Новак танцевал Эвсебия в «Карнавале», когда он выступал еще у Дягилева. Волинин уезжал, и его должен был заменить Лаврентий Новиков, уже танцевавший с Павловой прежде и теперь при-

езжавший в США как ее партнер для классических балетов и *pas de deux*. Каким образом я мог запомнить все эти имена: Новак, Новицкий, Новиков?

Именно в Эдинбурге, когда Хлюстин разучивал с нами новый репертуар, я так много узнал о каждом аспекте балета, и особенно о характерном танце, в котором специализировался в течение всей своей карьеры. Хлюстин поставил «Русский танец» на музыку Чайковского для Павловой и восьми девушек с Караваевым и Новицким, танцующим две мужские партии. Помню одну особую дневную репетицию, за которой, очарованный, наблюдал из партера. Хлюстин всегда проявлял большую требовательность к каждому. Но на этот раз он был более требовательным, чем всегда, по отношению к восьми девушкам. Интересно, как они все это выдержали, но я всегда ощущал, что почерпнул больше информации о различных па и общем стиле русского танца из этой репетиции, чем из всех прочих уроков и репетиций, на которых мне когда-либо доводилось присутствовать.

Затем мы приехали в Лондон на недельные финальные репетиции перед поездкой в Штаты. Пожалуй, это была самая насыщенная неделя во всей моей жизни. Сама Павлова, похоже, так страстно стремилась приступить к работе, что выехала в субботу из Эдинбурга ночным поездом, в то время как все мы остались на ночь в своих жилищах и не торопясь выехали в воскресенье. На той неделе мы очень редко видели ее, так как она репетировала в Айви-Хаус с Новиковым, которому предстояло выучить весь репертуар до отъезда. Остальная часть труппы репетировала на Уэст-стрит, маленькой улочке, отходящей от Кембридж-Сиркус, населенной по преимуществу танцовщиками, где прохожие все еще останавливаются и прислушиваются к звукам пианино, хотя могут только мельком увидеть поднятые руки и собранные в хвост волосы.

На Уэст-стрит мы работали над первым актом «Коппелии», которую Хлюстин возобновил для Викторины Кригер, присоединившейся к труппе в качестве классической балерины. Следовательно, они с Бутсовой получают по одному собственному балету. Это означало, что они не будут только лишь дублировать Павлову, и программы станут более сбалансированными. Нам к тому же следовало разучить «Фею кукол», «Амариллу», «Козлоногих» и «Диониса». Из Варшавы приехали еще двое польских танцовщиков, Домбровский и Цеплиньский. Последний привез с собой ноты «Польской свадьбы». Нужно было к тому же отрепетировать множество дивертисментов – «Венгерскую рапсодию», «Русский танец» и гопак.

Наш день начинался в десять, в час мы прерывались на ленч, затем опять приступали к работе и продолжали до шести, снова начинали работать в восемь и заканчивали в одиннадцать.

В завершение всего нам было необходимо получить паспорта, визы, купить одежду и багаж, чего никто из нас не мог себе позволить, разве что совместными усилиями. Те, кто бывал в Штатах прежде, с гордостью давали нам множество советов. Я купил теплое пальто, фрак и, поверите или нет, котелок! Интересно, много ли танцовщиков в наши дни носит их вне сцены, в те же времена это было вполне естественным. Я также приобрел твидовый костюм, который, как утверждали, будет идеальным для путешествия и который износился в клочки задолго до конца поездки. Мне довелось испытать шок, почувствовав себя чужеземцем в Соединенных Штатах, и все остатки британскости во мне немедленно оказались подавленными. Здесь я стал таким же чужеземцем, как и недавно прибывшие поляки.

Поляки производили большое впечатление на мою мать всякий раз, когда она приходила встречать меня в конце дневных репетиций. Танцовщик, который приподнимал шляпу и целовал даме ручку, так отличался манерами от англичан, что ему было просто суждено произвести хорошее впечатление на мою мать.

В первые дни моего пребывания в труппе явно преобладала польская окраска. Наши репетиции «Польской свадьбы» проходили в столь напряженной атмосфере, что она напоминала празднование национального дня в оккупированной стране. Хотя я по-прежнему едва ли

мог произнести хоть дюжину слов по-польски, мне вскоре стало ясно, что все поляки хорошо знают балет, поскольку они исполняли его в Варшаве; английские танцовщики кордебалета быстро переняли знания у остальных. Единственным человеком, который не получал никакой помощи, был Пиановский. Предполагалось, будто он ставит балет. Бывали минуты, когда я почти испытывал жалость по отношению к нему.

Я многое узнал за неделю на Уэст-стрит. Однажды утром Хлюстин проводил занятие, состоявшее почти полностью из *port de bras*, движений рук. Я наслаждался безмерно, но большая часть труппы не видела во всем этом смысла. Цель занятия состояла в том, чтобы подготовить всех нас к пластическим греческим движениям «Козлоногих» и «Диониса».

Это тем более ценно, ибо в современном балетном обучении бросается в глаза общее недостаточное внимание к рукам и кистям рук, и, хотя Хлюстина можно было порой назвать занудой, я всю свою жизнь испытывал к нему благодарность за эти уроки. Среди прочих разученных мною за ту неделю произведений были чардаш из «Амариллы» и две партии из «Феи кукол»: Джек из коробочки в первой сцене и кот – во второй. Я научился многому, но не всегда точно знал, какой танец относится к какому балету и как отдельные фрагменты складываются в целое. Я только надеялся, что к тому времени, когда мы выйдем на сцену по другую сторону Атлантики, – хотя мы еще не имели ни малейшего представления о том, где это будет, – кто-нибудь мне поможет поставить все на свои места. Между репетициями мы примеряли костюмы и опять же не знали, где чей костюм. Неделя подошла к концу, словно закончился фейерверк, когда свист, хлопки и шипение прекращаются, золотой дождь перестает падать и единственное, что нам остается, – лечь в постель и утром убрать кусочки картона.

Я слышал обрывки чудесных мелодий и видел проблески сверкающих костюмов, Павловой же не видел, но в последний день они с Новиковым пришли порепетировать с труппой. И тогда тяжелая недельная работа стала казаться не более трудной, чем простаивание в очереди в кассу за билетами. Мне понравился Новиков, его танцевальный стиль и легкая грациозность манер, которую я в высшей мере оценил. Я смотрел, как Павлова исполняет номера, которых никогда не видел прежде, и ощущал, что она жаждет снова оказаться в Америке. В конце концов, она провела там очень много времени и всегда могла рассчитывать на восторженный прием публики. Но она побывала там не во всех городах, и они словно бросали ей вызов. Вскоре мне предстояло убедиться, насколько всепоглощающей была ее любовь к своей публике, ради которой она жила; без этого ее искусство невозможно было бы оценить в полной мере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.